

18+

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ

АНТИГЕРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АЗЕФ

Валерий Шубинский

**Азеф. Антигерой
русской революции**

«ЭКСМО»

2025

УДК 929
ББК 63.3(2)

Шубинский В. И.

Азеф. Антигерой русской революции / В. И. Шубинский —
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-227088-8

В начале XX века, когда Российскую империю сотрясали теракты и революции, незаметный инженер-электрик Евгений (Евно) Азеф вел сразу две тайные и опасные жизни. Он одновременно работал секретным агентом полиции, которая боролась с революционерами, и возглавлял Боевую организацию партии эсеров, которая устраивала покушения на высших чиновников и членов царской семьи. Он то уводил полицию по ложному следу, то сдавал ей товарищей-подпольщиков. После разоблачения Азеф из легенды революционной борьбы превратился в изгоя, а его имя стало символом позорной беспринципности. Однако писателю Валерию Шубинскому удалось выявить в двойном агенте прежде всего человека — со своими привязанностями, известными моральными ограничениями и даже политическими убеждениями. В турбулентные времена, когда моральный компас общества сбит окончательно, знакомство с реальной историей зловещего циника может не только обескуражить, но и отрезвить. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-227088-8

© Шубинский В. И., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Часть первая	8
Евно Меер	8
Ростов-папа	11
Евно Фишелев сын	13
«Толстая свинья» (юность героя)	15
Азов, молодой революционер	19
Покорный ваш слуга W. Sch	21
Вербовка	24
Евгений Филиппович и его знакомые	27
«Энергичная подруга»	34
Часть вторая	37
Москва, или любовь к электричеству	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Шубинский

Азеф

Антигерой русской революции

Я не знаю в русском революционном движении ни одного более блестящего имени, чем Азеф. Его имя и деятельность более блестящи, чем имена и деятельность Желябова, Созонова, Гершуни, но только... под одним условием, если он – честный революционер.

В. Л. БУРЦЕ

Я решительно утверждаю: если бы я не имел в это время своим сотрудником такого человека, как Азеф, занимавшего в партии центральное положение, политической полиции, несмотря на все ее старания, почти наверно не удалось бы так успешно и так систематически расстраивать все предприятия террористов.

А. В. ГЕРАСИМОВ

В нем было какое-то почти необъяснимое, страшное сочетание добра со злом, любви и ласки – с ненавистью и жестокостью, преданности и дружбы – с изменою и предательством.

А. И. СПИРИДОВИЧ

*Эту ночь глазами не проломаем,
Черную, как Азеф.*

В. В. МАЯКОВСКИЙ

© Валерий Шубинский, 2025

ISBN 978-5-04-227088-8 © ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Individuum ®

У слова «замечательный» есть два смысла. Один – оценочный. Замечательный – то есть прекрасный, достойный восхищения и подражания. Другой смысл – нейтральный: «замечательным» является все заслуживающее внимания и интереса. В том числе и неоднозначные, скажем так, исторические деятели.

Фигуру Азефа трудно назвать даже «неоднозначной». В российской истории она традиционно рисуется черной краской без всяких оттенков. И, надо сказать, для этого есть основания.

Азеф участвовал в борьбе двух жестоких и непримиримых сил: революционных подпольщиков-террористов и тайной полиции. И у тех, и других были свои идейные и моральные основания и оправдания, свои герои и мученики. Но как относиться к двойному игроку, равнодушно обрекающему на смерть доверившихся ему людей? Как отнестись к предателю, к дважды предателю? Тем более, если за его предательством не просматриваются (по крайней мере на первый, невооруженный взгляд) никакие идейные цели, никакие высокие мотивы.

А какие просматриваются? Низменные, денежные? Авторы многочисленных книг про Азефа именно это пытались доказать. Но если перед нами обычный продажный негодяй, что заставляло историков (Бориса Николаевского, первого биографа Азефа, а уже в наше время – Л. Прайсмана, А. Гейфман) и писателей (далеко не последнего разбора – например, Марка

Алданова, Алексея Толстого, Романа Гуля) снова и снова обращаться к его фигуре? Про обычных низких мерзавцев книги в таких количествах не пишут.

В борьбе революции с полицией была тьма перебежчиков (зачастую многократных) и двойных агентов. Но никто из них не привлекал и сотой доли внимания, которое вызвал Азеф.

Почему?

Просто из-за масштабов его деятельности? Да, масштабы впечатляют. Агент полиции не просто внедрил в террористическую сеть – он ее возглавил. От него в немалой степени зависело соотношение сил в борьбе правительства и его вооруженных врагов. Чем ниже оценивали современники моральные качества Азефа, тем выше – его интеллект и организаторские способности.

Однако дело отнюдь не только в этом. Какая-то остается тайна – не в эпопее Азефа, а в нем самом, в его личности. Тайна, к которой он сам не оставил никакого ключа. Тайна, в которой хочется разобраться, хотя она наверняка мрачна и неприятна.

Но эта неприятная тайна – не только в самом Азефе. На поверку его эпопея – только часть запутанного и переплетенного клубка полудетективных историй. И когда начинаешь его распутывать, вдруг понимаешь, что какая-то частичка Азефа была в очень многих почтенных и почитаемых политических (и не только политических) деятелях той поры. В азефовщине отразилось многое от «духа времени» и «духа места».

Так или иначе, речь идет о знаменательной (или, если хотите, *замечательной*) странице в том, что Х. Л. Борхес называл «всеобщей историей бесчестья».

Часть первая Осведомитель

Евно Меер

Евно Мееру, второму (из семи) ребенку и первому (из трех) сыну мещан Фишеля и Сары Азефов, родившемуся 11 июля 1869 года в местечке Лысково Пружанского уезда Гродненской губернии, с самого начала не повезло.

Начать с того, что он родился в Российской империи в семействе иудейского вероисповедания – со всеми общеизвестными правовыми последствиями.

Но и евреям в России жилось по-разному. Для образованных, богатых, квалифицированных людей граница черты оседлости в благословенное время Александра II приоткрылась. Да и в самой черте (это, заметим, был миллион с четвертью квадратных километров – территория нескольких вместе взятых больших европейских держав) возможны были разные жизненные положения. Одно дело – какой-нибудь хлебный экспортер из Одессы, другое – бедный портной из белорусского местечка...

Увы! Азеф (и это второе невезение) родился именно в маленьком белорусском местечке в семье бедного портного. В очень маленьком местечке. В 1897 году население Лыскова составляло всего 876 человек, из них 658 – евреи. Тридцатью годами раньше было, видимо, еще меньше.

Местечко, торгово-ремесленный городок с деревню величиной – порождение особой цивилизации, возникшей на восточных рубежах Речи Посполитой. Почему большинство населения в этих городках в XVIII, XIX и первой половине XX века составляли именно евреи – долгий разговор. Христианскими были окраины, слободы. Центр был моноэтничен. Там звучал в основном идиш, «еврейский жаргон», как его называли тогда. В Пружанском уезде говорили на литовском диалекте идиша. Это и был, видимо, родной язык Азефа. Он был из литовско-белорусских евреев, из литваков. Кроме наречия, это означало еще и принадлежность к определенному религиозному течению. Литваки чаще были миснагедами (противниками хасидизма). Но в Гродненской губернии были и хасиды, приверженцы слонимского, карлинского или коцкого ребе. Суровый рационализм миснагедов, их безрадостная духовная трезвость и хасидизм, с его экстазом и культом всезнающего цадика, здесь сходились друг с другом.

Статус ремесленника в еврейской общине был низок. Мельчайший и беднейший торговец, посредник-фактор, шинкарь, коробейник стоял выше. Считалось, что торговля оставляет больше времени, чем ремесло, на изучение Торы – единственное по-настоящему достойное еврейского мужчины занятие. На самом деле за этой иерархией в известной мере стояло извечное, присущее почти любой человеческой цивилизации презрение к ручному труду. Социалисты XIX–XX веков попытались перевернуть пирамиду, поставив рабочего и крестьянина на ее вершину. С их точки зрения, проблемой евреев был как раз переизбыток людей, занимающихся «непроизводительной» торговлей.

Но именно ремесленники, а не торговцы составляли большинство евреев Гродненской губернии, пусть не абсолютное, но относительное – примерно 48 процентов. А из этих 48 процентов примерно 30 процентов составляли портные, белошвейки, шапошники. Самая распространенная профессия.

Как им жилось? Художественной и мемуарной литературы предостаточно – ну а вот сухая статистика. К концу XIX века еврей-портной в данной губернии зарабатывал в среднем примерно 200 рублей в год, или 17 – в месяц. Что приблизительно соответствовало среднему

по России заработку индустриального рабочего, но в 5–7 раз уступало доходам, например, квалифицированного петербургского слесаря. Местечковый портной страдал от того же, от чего местечковый лавочник – от узости рынка. Некому было продавать, некого было обшивать.

Другими словами, Евно Азеф по рождению принадлежал к самым бедным, самым скромным, обделенным жизнью подданным русского царя. Пожалуй, он мог бы говорить, что «вышел из народа» (к тому времени, когда он вырос, российские прогрессивные люди, после долгих колебаний, почти включили еврейскую бедноту в состав обожаемого, подлежащего освобождению и принудительному облагодетельствованию «народа»), если бы его отец так и продолжал оставаться портным в Лысково.

Но неудачи его на этом не кончались.

Азеф родился в эпоху Великих реформ. А в сознательный возраст вступил, когда реформы эти кончились, и, наоборот, начались «контрреформы». Не то, чтобы Александр III так уж решительно повернул назад государственный корабль – нет, скорее он просто бросил якорь. Но многим стало труднее. В том числе евреям. Особенно – бедным евреям.

В трудную эпоху опора человека – семья. Про семью Азефов известно только одно: она была не только бедной, но и недружной. Постоянные ссоры, драки. В какой-то момент мать сбежала из дома. В еврейской мещанской семье мать сбежала из дома, бросив детей! Эту семейную драму скрывали. Любовь Григорьевна Азеф-Минкина, супруга нашего героя, узнала о ней из случайно подслушанных разговоров мужа с братьями.

И, наконец, неудача совсем уж личная, персональная. Азеф, мягко говоря, не был красавцем. Описания его внешности можно коллекционировать – одно к одному:

Грузный, толстый, очень некрасивый человек с тяжелым, набухшим лицом, с оттопыренной нижней губой. (М. Алданов)¹

Высокого роста, толстая широкая фигура его опиралась несоразмерно с туловищем на тонкие ноги. Длинные руки женской формы, вялые, мягкие, вызвали при прикосновении неприятное ощущение чего-то склизкого, холодного, точно прикоснулся к холодной лягушке или слизняку. (П. И. Ивановская)²

Грандиозен, толст, с одутловатым желтым лицом и темными маслинами выпуклых глаз... Над вывороченными жирными губами расплющивался нос. (Р. Б. Гуль)³

Высокий тучный господин с короткой шеей, толстым затылком и типичным лицом еврея. (В. Н. Фигнер)⁴

Он был высокого роста, плотный, широкоплечий, широкоскулый, с врозь торчащими крупными ушами, с низким тяжелым лбом, плоским носом и толстыми отвислыми губами; он представлял собой резко выраженный монгольский тип. Пискливый тонкий голос как-то странно-нелепо соединялся с его крупным телом. (Ж. Лонге, Г. Зильбер)⁵

---

¹ Алданов М. Азеф // М. Алданов. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. М. 1991. С. 454.

² Ивановская П. С. В боевой организации // М. 1928, С. 54.

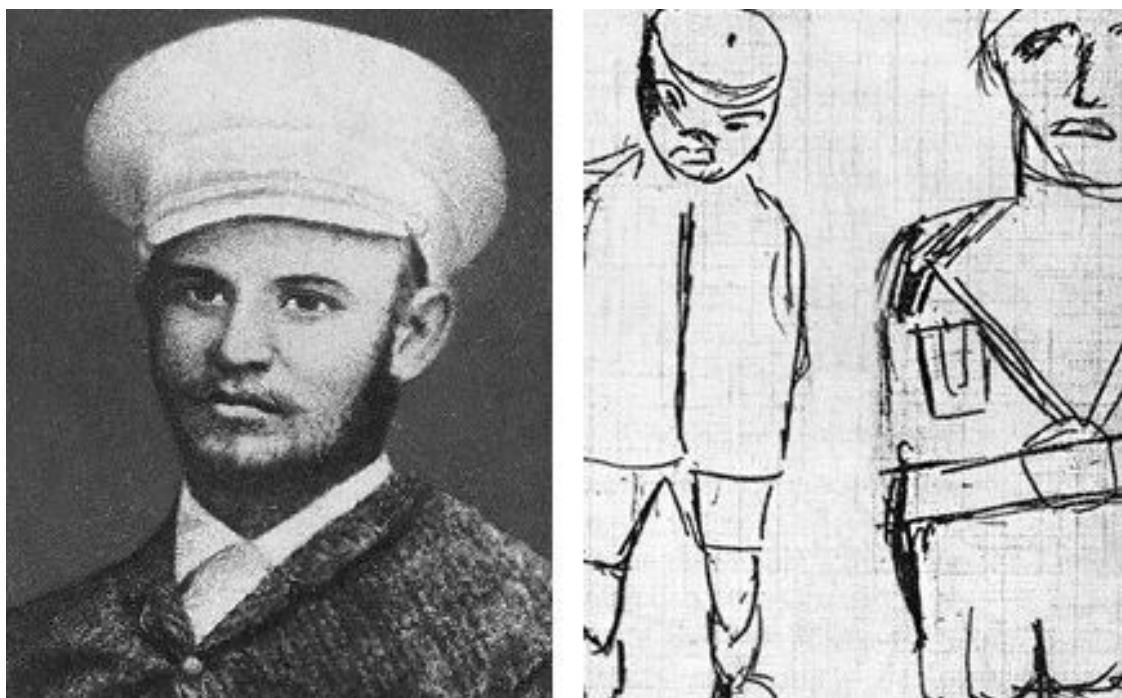
³ Гуль Р. Азеф // М. 1991. С. 27.

⁴ Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М. 1929, С. 173, далее – Фигнер.

⁵ Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка // М. 1991, С. 45 Далее – Лонге и Зильбер.

Если посмотреть на фотографии Азефа (их немного), то лишь на одной или двух из них он выглядит более или менее респектабельно (хотя все равно малоприятно). На остальных – просто ущербно-криминальный тип из Ломброзо. (Этого автора уроженец местечка Лысково читал в тюрьме Моабит незадолго до кончины).

Можно с уверенностью сказать, что и маленький Евно Азеф не блистал красотой, да и обаянием не отличался. Видимо, он был неловок, неуклюж. Говоря, картавил, пришепетывал, «словно у него кончик языка был обвязан марлей» – эти недостатки дикции сохранились и во взрослые годы. Конечно, его травили, обижали.

Евно Азеф в молодости / Детский рисунок Азефа

Существуют детские рисунки Азефа, воспроизведенные в книге А. Гейфман «В сетях террора» (2002). Рука хорошая. Один (повторенный дважды) рисунок: толстый мальчик в коротких штанах, с плоским, курносым, косоглазым, не еврейским, а каким-то азиатским лицом («монгольский тип»), ошетилившийся, с нелюдимым взглядом. Автопортрет?

Итак: некрасивый, толстый, нелюбимый сверстниками мальчик. Из бедной семьи. Из неблагополучной семьи. Из пораженного в правах меньшинства. В неудачную эпоху.

Только один дар положила фея в его колыбель. Только одно качество было ему дано – качество, которого никто не мог за ним отрицать даже после его разоблачения.

Ум. Цепкий практический ум.

Ростов-папа

В 1874 году, когда Евно Меер должен бы пойти в хедер (традиционную еврейскую начальную школу), судьба семьи резко переменилась. И в хедер Евно, скорее всего, не пошел.

Портной Фишель Азеф решил переселиться из Гродненской губернии к Азовскому морю, на юго-восточную окраину черты оседлости. В Новороссии искали лучшей жизни многие бедные евреи. Иные меняли мещанскую участь на крестьянскую: в Тавриде было немало еврейских земледельческих колоний. Кому-то из них, как Давиду Бронштейну, отцу Троцкого, земледелие принесло достаток. Другие, переселяясь в молодые торговые и промышленные города, оставались верны традиционным еврейским занятиям.

Ростов-на-Дону – это те места, где (повернись европейская политика в начале XVIII века иначе) мог бы находиться Петербург. Но ростовчане (тогда говорили «ростовцы») гордились, что их город, в отличие от соседних Новочеркасска и Таганрога, построен не на петербургский манер, по царскому указу, а вырос органически.

Ростов-папа в южном фольклоре – пара Одессы-мамы. Считалось: где побывали ростовские жулики, одесским делать нечего. Одесса обязана была своим бурным развитием хлебному экспорту. Ростов (бывшая приграничная крепость святого Димитрия Ростовского, основанная при Елизавете) тоже стал центром хлебной торговли. Но не только. Город был необыкновенно удачно расположен: в устье Дона сходились пять почтовых трактов. Здешние ярмарки были знамениты еще при Николае I. И уже тогда там продавалось не одно лишь сельхозсырье, а и донецкий уголь, металлоизделия...

Потом настала эра железных дорог. Которые строит в этих краях, кстати, не кто иной, как Самуил Соломонович Поляков – один из тех нескольких евреев-миллионеров, входивших в финансовую элиту империи, на которых никакие ограничительные законы уже не распространялись. Поляков жил в Петербурге не где-нибудь, а в бывшем дворце графов Лавалей, был действительным тайным советником, а следовательно – потомственным дворянином, и мечтал о баронском титуле. Но его кипучая деятельность (быстрее него и, правда, дороже него не строил железных дорог никто в мире) сказывалась и на судьбах его полунищих единоверцев. Не забудем при том, что владельцем Азовского пароходства был Яков Соломонович Поляков. А Лазарь Соломонович, третий брат (самый авантюрный и амбициозный) был соучредителем Азовско-Донского банка.

И вот Ростов-на-Дону, между Азовским морем, древней Меотидой, Харьковско-Ростовской (открыта в 1869) и Ростовско-Владикавказской (1875) железными дорогами, стал расти как на дрожжах. За тридцать лет (1863–1893) его население выросло в 6 раз: с 17 до 100 тысяч человек. Плюс тридцать тысяч рядом, в Нахичевани, городе переселенных Екатериной из Крыма армян. В Ростове и Нахичевани один за другим возникают заводы: чугунолитейные и механические, пивоваренные и табачные. И, конечно, судоверфи.

В общем, тут было больше индустриального напора, чем в Одессе, но меньше средиземноморского шика. «Русское Чикаго», как тогда писали, а не «русский Марсель». И, конечно, иной национальный колорит: больше армян, меньше греков и евреев. Гораздо меньше. 10 процентов еврейского населения – это не одесские 34. Но все равно, конечно, немало. И это были люди веселые, энергичные, жуликоватые – таврические люди. Дети Ростова-папы, совсем не похожие на анемичных, печальных, одухотворенных местечковых жителей.

И жили они совсем иначе. Помнил ли Евно Азеф белые глинобитные стены, острые черепичные крыши, вплотную стоящие дома без палисадников, тесные улицы, по которым шляются тощие козы – самый распространенный, и, как правило, единственный домашний скот в местечковых еврейских домах? Или первым впечатлением, которое сохранила его память, были каштаны и акации вдоль пыльных, еще не мощеных мостовых, фруктовые сады хозяй-

ственных южан, на глазах строящиеся затейливые особнячки провинциальных скоробогачей, парходные и железнодорожные гудки и сухой ветер из степи?

Евно Фишелев сын

Фишель Азеф в Ростове держал галантерейную лавку – поднялся, стало быть, на социальную ступень выше.

Евно Фишелев сын (отчество официально полагалось лишь высокочинным людям) поступил в Ростовское Петровское реальное училище. В каком году – трудно сказать. Но скорее всего, около 1880-го года.

Это было тогда единственное полноценное среднее учебное заведение города (гимназии в Ростове еще не было – преобразована из четырехклассной прогимназии в 1884). Плата за обучение составляла 108 рублей 83 копейки в год. Очень много – обычно годовая плата в реальных училищах не превышала 70 рублей. 108 рублей в год, 9 рублей в месяц – для настоящего купца, для доктора, инженера подъемно. А для мелкого лавочника... Тем более, если эту сумму умножить на три (напомним, в семье Азефов – три сына). Получается в полтора раза больше среднего дохода лысковского портного. А ведь четырех девочек тоже где-то учили!

В училищах было, как правило, семь классов. С пятого класса во всех училищах было два отделения – механическое и коммерческое. Седьмой класс (в который принимали с разбором, с учетом успеваемости) был «дополнительным» – для желающих получить образование в высших технических учебных заведениях. С 1888 можно было поступить и в университет (сперва – только на медицинский и физико-математический факультеты), если сдать экзамен по латинскому языку (древним языкам реалистов не обучали).

В 1880 году в училище было 407 учеников, потом их количество снижалось (1884 – 316), потом снова начало расти. В 1890 году – 442 ученика. Евреев из них – 60 человек, более 13 процентов – и, что примечательно, больше, чем армян. Можно не сомневаться: десятью годами раньше доля евреев среди учеников была еще выше. Почему?

Дело в том, что между 1880 и 1890 годами произошли важные исторические события.

1 марта 1881 года «Народная Воля» наконец осуществила свою безумную цель: убила Александра II. Среди арестованных была и еврейка, Геся Гельфман – что дало повод к многочисленным погромам в Западном Крае. «Народная Воля» и «Черный Передел» их горячо и неоднократно приветствовали – что было в своем роде логично. Смысл царевубийства был в провоцировании крестьянской революции – что же делать, если никакого крестьянского движения, кроме погромного, не возникло? Да народники, сторонники общинного аграрного социализма, и сами в то время не особенно жаловали «жидов» (для своих товарищей-революционеров делая, само собой, исключение).

А власти? Их позиция выражалась знаменитой формулой Александра III: «Мне лично нравится, когда бьют жидов, но допускать этого ни в коем случае нельзя». Но как не допустить? Собранная под председательством графа Константина Ивановича Палена комиссия решила, что первопричина погромов – в экономических противоречиях между евреями и христианами, порожденных «чертой оседлости», и что единственный путь разрешения вопроса – в постепенной отмене всех ограничений и гражданском равноправии. Но тут сработала бессмертная логика бюрократии: выслушать умных экспертов и поступить ровно наоборот. Евреям при Александре III запрещено было вновь селиться в деревнях, и – что более непосредственно касается нашего сюжета – принята была ограничительная процентная норма на обучение в средних и высших учебных заведениях. Сколько сил потратили в свое время на привлечение евреев в христианские школы! А теперь оказалось, что там их слишком много.

Ростов-на-Дону был в черте оседлости. Пока. Следовательно, процентная норма составляла 10 процентов.

Но уже в следующем году – опять нововведение: Ростов включен в состав Области Войска Донского, а значит, выведен из состава черты оседлости. (Хотя род Поляковых был запи-

сан, между прочим, именно в дворянскую книгу Области Войска Донского – петербургские и московские дворяне брезговали выскочками-иудеями).

Это значило, что евреям (кроме купцов первой гильдии, обладателей университетского диплома, цеховых ремесленников) более селиться в Ростове не полагалось. Тех, кто уже жил, правда, не выселяли. И процентная норма в реальном училище автоматически снизилась до 5 процентов для вновь поступающих. Уже учившимся давали доучиться и получить аттестат.

Как это затрагивало Евно Азефа? Скорее всего, в 1887–1888 годы его уже не было в стенах Петровского училища. Добрался он как будто до шестого класса. На каком отделении был в пятом – механическом или коммерческом? Что изучал – бухгалтерию и счетоводство или приложение алгебры к геометрии, механику, геодезию, механическую технологию, строительное искусство, моделирование? По диплому он стал инженером, но потом, позже, превратился в коммерсанта. Инженером он был хорошим, а коммерсантом в конечном итоге оказался не очень удачливым.

Если, конечно, не считать коммерцией главное дело его жизни – службу двум господам, и далеко не бесплатную.

«Толстая свинья» (юность героя)

О юности Азефа сохранилось мало свидетельств.

Его считали скрытной душой и фискалом. Соседи, относившиеся с большим уважением к старику Азефу, выбивавшемуся из сил, чтобы дать детям образование, тоже недолго любили грубого и черствого Евно, которого школьные товарищи окрестили нелестным прозвищем «толстая свинья»⁶.

Это один отзыв. Второй – тоже с чужих слов:

Е. Азеф и его брат часто бывали в Ростове в дружеской компании с С. Я. Рыссом, но тогда же бросалось в глаза большое между ними различие. Азеф всегда был крайне грубым, хитрым, расчетливым и холодным. С. Рысс всегда был «огонь и пламень» – порывистым, неуравновешенным, экзальтированным, увлеченным и увлекающимся⁷.

Рысс, он же Мортимер – интересная фигура, странный «полудвойник» Азефа. Судьба этих двух людей до конца (до гибели Рысса в 1908 году) связана между собой. Только вот мог ли Азеф оказаться с ним в одной компании в Ростове? Дело в том, что Соломон Рысс родился в 1876 году. А значит, в момент отъезда Евно Азефа из города (1892) ему было всего шестнадцать лет. (При том Рысс был ровесником Натана, младшего брата Евно – возможно, в очерке Берлина имеется в виду именно он).

Как называл себя Азеф в эти годы?

Мы перечисляли его прирожденные невезения, а одно забыли. Паспортное имя – Евно. Транскрипция имени Иона. Иона – пророк, извергнутый китом в грешной Ниневии. Главный Иона российской истории – Якир, красный военачальник, герой, жертва сталинизма...

Но разве «Евно» ассоциируется на русский слух с этим почтенным именем?

А с чем ассоциируется?

С евнухом. Тонкий голос при высоком росте и тучности... Да, ассоциация возникает. И даже густая растительность на лице не разрушает ее.

А вторая ассоциация – и вовсе убийственная. Достаточно сдвинуть ударение...

Саша Черный после разоблачения Азефа иронизировал так:

Вам все равно —
Еврей ли, финн, иль грек,
Лишь был бы только не «Евно»,
А человек.

Ассимилированные евреи обычно русифицировали свои имена: Борухи становились Борисами, Гирши – Григориями или Георгиями. Как называл себя Евно в Ростове? Евгением («благородный!»), как позднее? Иваном, как тоже позднее, но в другом кругу? Ионой?

Русифицировалась и фамилия. Азефа звали (по жандармским донесениям) «Азов». В честь близкого Азовского моря? Позднее он иногда называл себя Азев. Или Азиев. Тоже говорящая фамилия – у обладателя «монгольского типа».

Вообще ценность и без того малочисленных свидетельств о детстве-отрочестве-юности Азефа снижается тем, что все они относятся ко времени *после* разоблачения двойного агента.

---

⁶ Лонге и Зильбер. С. 47–48.

⁷ Берлин П., Рысс С. Я. // Каторга и ссылка. М. 1929 № 10 С. 95.

Взять для сравнения, к примеру, Георгия Аполлоновича Гапона. Весной 1905 года, когда харизматический священник был главным российским революционным героем, его бывший семинарский преподаватель И. М. Трегубов умиленно вспоминал о том, каким чистым, благородным и любознательным юношей был молодой Георгий. А год спустя, после бесславной гибели отвергнутого революцией вождя, о нем пошли мемуары совсем иного рода... В совокупности удастся создать более или менее объективную картину. К сожалению, в те годы, когда «Иван Николаевич» (Азеф) был гордостью русского революционного подполья, никому не пришло в голову поделиться воспоминаниями о его молодых годах. Негативные отзывы поздней поры ничем не уравновешиваются. Приходится давать волю воображению.

Конечно, товарищи его не любили. Кто ж полюбит такого красавца. Конечно, он, никем не любимый, бывал груб. Это за ним и потом водилось. Бывал и сентиментален. Как учился? Наверняка хорошо. Азеф все всегда в своей жизни делал на совесть, по первому разряду. Учился хорошо, а училище почему-то вынужден был оставить, не получив аттестата. Бедность?

Вот еще одно свидетельство из книги Ланге и Зильбера:

Азеф еще в старших классах реального училища был замечен в предательстве: так он якобы выдал несколько тайных кружков, которые в Ростове-на-Дону, как и во всех других городах России, составлялись из наиболее пылкой, великодушной и развитой части учащейся молодежи. На деньги, получаемые от полиции, ему удалось, по словам некоторых, кончить свое учение.

Но в том-то и дело, что Азеф не закончил учения. И, оставив Петровское училище, он зарабатывал на жизнь не доносами, а честным и при том очень разнообразным трудом.

Был конторщиком. Был репетитором. Был коммивояжером. Был секретарем у фабричного инспектора. Был актером (актерские способности у него были) в какой-то труппе, гастролировавшей в Ялте. Вероятно, играл комических злодеев (с его внешними данными!). Был репортером газеты «Донская пчела».

Газета эта была сугубо провинциальной и безыдейной, рассчитанной на обывателя, но избегающей опасной сенсационности. Издатель (присяжный поверенный Тер-Акопян) и основной обозреватель (Чахрушьян) были армянами, но на содержании газеты это почти не сказывалось. Огромное место занимали в ней реклама и официоз (законоположения, отчеты о заседаниях городской думы). Серьезных аналитических статей не было. Мир вне Ростова в основном ограничивался соседними городами Восточной Новороссии: Таганрог, Мариуполь, самое дальнее – Ялта. Центром мировой культуры и учености был Харьковский университет. Всероссийские новости почти сводились к известиям о перемещениях членов высочайшей фамилии.

Статей, подписанных именем или инициалами Азефа (Азева, Азиева, Азова), найти не удалось. Соблазнительно было бы думать, что один из постоянных обозревателей «Донской пчелы», «Аргус» или «Прометей» – это он. Но скорее всего, он просто писал хроникальные заметки без подписи: о занесении снегом путей Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, о бенефисе госпожи Горской, об «ужасном случае в цирке Соломонского» (лев покусал укротительницу), о злоупотреблениях перекупщиков на Затемерюкском рынке, о празднике иконы Казанской Божьей матери и об открытии новой Талмуд-Торы⁸.

Впоследствии он не писал ничего, кроме писем. Деловых, сухих, толковых – товарищам по Боевой Организации и начальникам из Охранного Отделения. И сентиментальных – двум женам, первой – революционерке, и второй – кафешантанной певице.

А вот что он читал?

---

⁸ Еврейская религиозная школа второй ступени.

Интересный вопрос.

По словам революционерки Марии Селюк, «он знал сочинения Михайловского, которого мы в то время очень почитали, читал Канта в подлиннике, умел умно и интересно говорить, когда был в ударе».

Итак, Кант.

Профессиональным философом-кантианцем был Соломон Рысс. Между прочим, он говорил вот что, полемизируя с Плехановым (Бельтовым):

Взять хотя бы эту злосчастную идею... о переходе количества в качество. Ведь это – философская бессмыслица. Количество не может перейти в качество... Никакое количество вашего пролетариата не заменит качественного акта.

Можно попытаться описать спор эсеров и эсдеков как полемику кантианцев с гегельянцами (поскольку марксизм наследует гегелевской диалектике). Читал ли Азеф Гегеля? Он, который весь – вещь в себе... и в то же время отрицание отрицания.

Ну а Николай Константинович Михайловский (1842–1904) был главным идеологом, если угодно, главным философом русского народничества. Упование на крестьянский общинный социализм сочеталось у него с культом героев, ведущих за собой толпу – в духе Томаса Карлайла.

По свидетельству эсера Андрея Александровича Аргунова, в 1899 в Москве Азеф «на одном из журфиксов <...> взволнованным голосом» защищал Михайловского, «упирая в особенности на теорию „Борьбы за индивидуальность“». Речь продолжалась довольно долго и произвела на окружающих довольно сильное впечатление своей искренностью и знанием предмета.

«Борьба за индивидуальность» (1875) Михайловского – достаточно серьезный и оригинальный философский и социологический труд. Социум предстает под пером Михайловского сложной структурой, состоящей из разновеликих, стремящихся к самопроявлению индивидуальностей. «Органическое» развитие общества ведет к подавлению индивидуальности. «Как и всякое целое, общество тем совершеннее, чем однороднее, проще, зависимее его части, его члены». Для Михайловского эта ситуация трагична. Вероятно, в революции он разумел возможность ухода от «органического» пути развития, специализирующего и уплощающего человека.

Может быть, и стоит подумать, как соотносится все это с личностью и судьбой Азефа. С его *несколькими* личностями и одной судьбой.

Но, конечно, Азеф был не теоретик, а практик. К политической партийной казуистике он всегда был более или менее равнодушен. О «теоретической малообразованности» вождя эсеровских боевиков говорила в показаниях комиссии по его делу его жена, Любовь Григорьевна, урожденная Минкина: «Он нигде не мог двух слов связать как следует». На каком-то собрании в Дармштадте читал свой реферат – Минкиной-Азеф «стыдно было слушать». Но очень скоро от участия в теоретических спорах он вовсе отошел.

Современная художественная литература?

Дешевые романы? Нет, все-таки наверняка что-то еще.

Диккенс? Шпилльгаген? Тургенев? Толстой? Достоевский?

Азеф, читающий Достоевского? Что-то в этом есть.

Стихи? Азеф и стихи?

А почему нет?

Дни его юности – дни славы Семёна Яковлевича Надсона, чахоточного красавца. В мелодраматическом слогe, который порою позволял себе Азеф, отразился общий язык эпохи, когда

он созрел. Язык, средоточием и символом которого стали самые знаменитые из плохих русских стихов:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой,
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь —
Верь, настанет пора и погибнет Ваал
И вернется на землю любовь!

Нет, *это* Азеф, пожалуй, читал. И обливался над этим слезами. Он был вообще слаб на слезы.

И, конечно, читал – в немалом количестве – популярную техническую литературу. Это была эпоха грандиозных, переворачивавших всю жизнь изобретений. В 1876 году Александр Белл получил патент на изобретение телефона, а десять лет спустя телефоны появились уже даже в Ростове-на-Дону. В конце 1870-х Джозеф Уилсон Суон, Александр Лодыгин, Павел Яблочков создают экспериментальные модели лампы накаливания – пока в 1880 году Эдисон не предложил вариант, имеющий коммерческую перспективу. В 1885 году в Царском Селе строится первая в России электростанция: электрические лампочки появляются в Александровском дворце. В 1880 году инженер Пироцкий демонстрирует в Петербурге рельсовые повозки на электрической тяге. Год спустя трамвай начинает регулярно ходить в Берлине (а Петербургу приходится ждать аж до 1907 года: к тому времени трамваи ходили не в одном десятке российских провинциальных городов). Наконец, в 1888 году Генрих Герц доказал существование электромагнитных волн, создав первые радиопередатчик и радиоприемник (которые его последователи, в том числе Попов и Маркони, лишь усовершенствовали).

Это все относится только к электричеству, с которым связана профессиональная работа Азефа-инженера. А ведь были еще и воздухоплавание, и первые автомобили, и фотография!

Азов, молодой революционер

Азеф готовится к технической карьере. Но интересуется и политикой. В начале 1890-х годов он входит в подпольный кружок, имена участников которого известны из полицейских источников: Дмитрий Фридман, Василий Алабашев, Острогулов, Равель. С этого кружка начинается путь Азефа-революционера.

Что это мог быть за кружок?

К середине 1880-х «Народная воля» была практически разгромлена. За 1 марта 1881 (и казнь главных вождей террора, Желябова и Перовской, и главного технического специалиста, Кибальчича) последовала странная история Судейкина и Дегаева, отчасти рифмующаяся с азефовской эпопеей.

Подполковник Георгий Порфирьевич Судейкин, блестящий сыщик, напористый вербовщик и изошренный провокатор (в прямом, словарном смысле слова), был назначен в 1882 году на специально для него созданную должность инспектора секретной полиции. В числе десятков завербованных им людей был член «Народной Воли» Сергей Петрович Дегаев, за несколько месяцев выдавший все руководство организации (то, что от него оставалось) и по существу ставший во главе ее. По убедительным свидетельствам, исходящим из разных источников, Судейкин не собирался ликвидировать террористическое подполье сразу. У него был хитрый, подробно продуманный план, включавший, между прочим, устранение руками подконтрольных террористов министра внутренних дел Д. А. Толстого. Дегаев должен был расчистить своему патрону дорогу к власти, к исключительному положению у трона. Но в какой-то момент он был разоблачен товарищами-народовольцами. Ему дали возможность «искупить вину». Самолитно, вместе с двумя товарищами, он убил Судейкина, а после бежал в Америку, где стал (под именем Александр Пелл) довольно крупным математиком. Из этой истории и полиция, и революционное движение вышли деморализованными. Однако потери и без того обескровленной «Народной воли» были больше⁹.

Окончательный удар был нанесен директором Департамента государственной полиции Вячеславом Константиновичем Плеве, арестовавшим в 1884 году последнего лидера народовольцев, Германа Лопатина, с полным списком участников организации в руках.

На смену террористической сети пришли изолированные кружки. Идеи террористов были живы. Более того, их имена, имена мучеников, были окружены ореолом в глазах пылких юношей и девушек. Одни из молодых людей, как Александр Ульянов и его друзья, подилетантски планировали новые теракты. Другие ограничивались свободолобивыми разговорами. Наряду с народническим возникало мало-помалу марксистское подполье – начиная со знаменитой группы «Освобождение труда» (Плеханов, Игнатов, Засулич, Дейч, Аксельрод – именно в такой последовательности запоминали их имена советские студенты; непристойный, но действенный мнемонический фокус). Потом был кружок Бруснева. Марксисты и народники начинали постепенно соперничать и спорить друг с другом.

Надо сказать, что власти не очень эффективно сопротивлялись революционной пропаганде. Вот отрывок из воспоминаний И. П. Ювачева (отца Даниила Хармса), относящихся, правда, к более ранней эпохе – еще к последним годам существования «Народной воли»:

Я сам позволял себе, например, такие вещи. Попала в мои руки фотография Софьи Перовской. Иду в первую попавшуюся фотографию к незнакомому человеку и прошу его сделать дюжину снимков, с наклейкой их на чистый картон без указания фирмы фотографии (потому что это

---

⁹ В книге В. Григорьева и Б. Колокола «Повседневная жизнь жандармского управления в конце XIX века» (2007) принята довольно наивная, на наш взгляд, попытка реабилитации Г. Судейкина как верного царя слуги.

изображение известной преступницы). Или, бывало, иду к незнакомому переплетчику и даю ему переплести книгу с предупреждением, чтобы он шил ее сам, а не давал бы своим подмастерьям, потому что эта книга запрещенная. И все сходило благополучно¹⁰.

Так обстояло дело в Николаеве в 1882 году. Скорее всего, примерно так же все было в Ростове-на-Дону пять-семь лет спустя.

Кружок, к которому принадлежал Азеф, был скорее марксистским, чем народническим. Большинство его членов составляли рабочие, «предводительствуемые некоторыми интеллигентными лицами». Велась пропаганда в рабочих районах. Азеф «весьма деятельно» в ней участвовал. А кроме того, по данным полиции, он, «имея возможность постоянно разъезжать под видом торговых дел в разные города империи, оказывал немаловажные услуги „Ростовскому кружку“ доставлением нужных сведений и помощью тайной переписке иногородних единомышленников». Видимо, в этот период Евно был коммивояжером.

В свое время Ювачев, глава офицерского кружка в Николаеве, переписывался с петербургскими народовольцами, что и стоило ему каторги. В конце 1880-х никакого петербургского революционного центра не было. Но можно было устанавливать связи с другими кружками, в других провинциальных городах. Именно это и делал Азеф.

Наконец, была эмиграция. Фридман и Алабашев переписывались с членами кружка, находившегося в Карлсруэ.

Об этом мы знаем из первого донесения Евно Азефа.

Но – всё по порядку.

---

¹⁰ Ювачев И. П. Из воспоминаний старого моряка // Морской сборник, 1927, № 10, с. 181.

Покорный ваш слуга W. Sch

В 1891 году Азефу наконец удалось сдать экстерном экзамен за реальное училище. Ему было двадцать два года. Немало для абитуриента. И все-таки первый шаг к полноценной самореализации был сделан.

Год спустя Азеф оказывается в числе студентов Фридрицианы – Высшей технической школы в Карлсруэ. Того самого Карлсруэ, с которым переписывались Фридман и Алабашев. Той самой Фридрицианы, профессором которой был Генрих Герц.

Что же произошло в промежутке?

Во-первых, полиция напала на след ростовского марксистского кружка. За Азефом следили. Знал ли об этом он сам? Судя по дальнейшим его поступкам – нет.

В Германию Евно уехал не потому, что спасался от слежки.

Во-первых, он, видимо, просто хотел учиться на инженера, и учиться в хорошем месте. Блестящая система высших технических институтов предреволюционной России (сверх которой, собственно, потом почти ничего в этом смысле в стране и не было создано) только начинала складываться. Кроме того, он, как все тянущиеся к образованию молодые евреи, хотел как-то обойти процентную норму.

А во-вторых...

Перед отъездом Азефа в Германию произошло одно событие – примечательное... и не вполне ясное.

Что-то, касающееся денег.

Жена Азефа говорила (со слов его брата): «Он украл деньги там, где служил...» Владимир Азеф рассказал об этом невестке только в роковом для Евно Азефа 1909 году. Сам он, «попросту глупый», благоговел перед старшим братом, но этой истории с деньгами стеснялся.

А вот две справки, представленные в 1893 году, почти одновременно, ростовской полицией:

Уехал в Германию, продав предварительно по поручению какого-то мариупольского купца масла на 800 руб. и присвоив эти деньги себе.

По агентурным сведениям, между Азефом и его бывшими товарищами в настоящее время возникла вражда, вследствие того, что некоторые из них, выманив у него чужие деньги, поставили в необходимость бежать за границу, и не только не оплатили долга, но обманули в обещании помогать в жизни за границей¹¹.

Так как все-таки было дело?

Конечно, нравы Ростова-папы вполне допускали некоторое мошенничество, и революционная этика – тоже. Соломон Рысс заработал на обучение за границей, основав мастерскую по производству поддельных аттестатов зрелости, и совершенно впоследствии этого не стеснялся.

Но все-таки история туманная: «то ли он украл, то ли у него украли». Все, общавшиеся с Азефом в Карлсруэ, подтверждают: он был весьма беден. Но на 800 рублей можно было бы прожить в одиночку года два – очень скромно, без излишеств, но отнюдь не впроголодь.

Значит, этих денег у него не было?

Если все-таки Азефа обманули, «для пользы дела» выманив у него чужие деньги – это в каком-то смысле объясняет его последующие поступки.

А поступки, собственно, такие.

---

¹¹ Николаевский Б. Конец Азефа // М. 1926. С. 74, далее – Конец Азефа.

24 марта (6 апреля) 1893 года из Карлсруэ ушло в Петербург письмо, адресованное жандармскому управлению Ростова-на-Дону. Четыре дня спустя – почти такое же, слово в слово, письмо, на адрес Господина Директора Департамента полиции.

В письмах сообщалось о существовании в Ростове-на-Дону социалистического кружка. Азеф не знал, стало быть, что кружок уже раскрыт. Сообщалось о переписке со «здесьним карлсруйским кружком революционеров, задающихся целью организовать революционные силы как за границей, так и в России, для каковой цели в Ростов-на-Дону высылаются сочинение Кауцкого (sic) «Программа социал-демократической партии». Переписка ведется непосредственно с лицами Мееровичем, Самойловичем и Козиным».

Подпись: «Готовый к услугам покорный слуга W. Sch. (poste restante¹²)».

Что за В. Ш.? Вильям Шекспир, что ли?

Ветеран революции, последний глава «Народной Воли» Герман Лопатин говорил про Азефа после его разоблачения, давая показания следственной комиссии Партии социалстов-революционеров:

Это человек, который совершенно сознательно выбрал себе профессию полицейского агента, так же как другие выбирают себе профессии врача, адвоката и т. п. Это практический еврей, почуявший, где можно больше заработать и выбравший себе такую профессию¹³.

Неправда. «Практический еврей» выбрал профессию инженера. Он долго и старательно учился и стал отличным специалистом.

А сотрудничество с полицией он выбрал... зачем же?

Деньги? Да, конечно, – но может быть также обида.

Молодой Сергей Зубатов, будущий знаменитый охранник и социальный реформатор, известный человек в российской истории и заметный – в судьбе Азефа, по собственным словам, пошел на службу в полицию из ярости: оказалось, что революционеры использовали публичную читальню, которую Зубатов держал вместе с женой, как явку, не ставя хозяев читальни в известность и «втемную» подвергая их опасности.

Можно осторожно предположить, что и Азефом двигало что-то подобное. Не будем забывать: это был, видимо, очень закомплексованный молодой человек. А значит, гораздо острее воспринимающий оскорбления.

Ратаев недоумевал позднее: как мог пойти на предательство давний агент, который «до поступления на службу не был революционером»? Полицейский чиновник забыл подробности. Революционером молодой Азеф или Азов был. Очень маленьким, рядовым, но... Ведь не затем же он пошел в революционную организацию, чтобы сразу ее предать?

Революция – это была гвардия поколения, ее элита, ее рыцарский орден. Так, по крайней мере, казалось большинству. И вот толстый уродливый парень где-то с пятью классами реального училища, нищий, поневоле пронырливый неудачник без определенных занятий и с неважной репутацией вступает в этот «орден», орден *погибающих за великое дело любви*, и рад, что его взяли. Ему нет никакого дела до рабочих, но он пропагандирует Маркса в рабочих районах, он, рискуя, разъезжает по городам с заданиями организации... И каков результат? Благородные товарищи по подполью обманывают его, толстого Евно, на отборный ростовский лад. Обманывают – потому что не считают *своим*. А с чужими – можно все. Так Сергей Геннадьевич Нечаев учил.

Ну так уж он, черненький, покажет им, якобы беленьким.

---

¹² До востребования.

¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1699, оп.1 е.х. 128, с. 140

И еще. Азеф, конечно, не знал фразы Пушкина про «неразлучные понятия жида и шпиона». Но про существование этих «неразлучных понятий» – знал еще как. Принять на себя роль «жида-шпиона» по гнуснейшим стереотипам – так могла выразиться его еврейская обида. Хотя не будем забывать, что и среди тех, за кем он в первые годы шпионил, где-то три четверти составляли евреи: это же была русская академическая колония в Германии, а из кого она состояла и почему, мы уже писали.

Конечно, в нем были задатки авантюриста, обманщика, двойного игрока. Но их надо было разбудить. Эта честь досталась ростовскому марксистскому кружку. Знали бы юноши, *что* они разбудили.

Вербовка

В письме, обращенном в Департамент полиции, была такая фраза:

Если сведения, которые я могу для Вас доставлять, найдете полезными, то прошу об этом меня уведомить заказным письмом.

Это уж было прямое предложение услуг.

Как известно, в КГБ СССР не очень любили «инициативников». В царское время смотрели на вопрос шире. Ни от чьей помощи не отказывались. Впрочем, ничто не предвещало, что скромный W. Sch., доносчик из Карлсруэ, вырастет в суперагента (и в суперпредателя).

Департамент государственной полиции был создан в 1880 году, во время «оттепели» накануне убийства Александра II – «диктатуры сердца» Лорис-Меликова. До этого существовало две полиции: политическая (Третье Отделение с прикрепленным к нему Корпусом жандармов) и обычная (находящаяся в ведении Министерства внутренних дел). Их компетенции пересекались, они соперничали друг с другом, это сказывалось на результатах работы.

Департамент полиции объединял политический и общеуголовный сыск. При нем в крупных городах с 1890-х годов стали создаваться отделения по охране общественной безопасности и порядка, в просторечии – охранные отделения. Работа этих отделений координировалась третьей канцелярией Департамента полиции. Именно это именовалось и именуется «царской охранкой». Но это не была цельная общегосударственная структура вроде петровской Тайной канцелярии или ЧК-ОГПУ.

«Охранка» ведала политическими делами – точнее, розыском государственных преступников. Дознание же было делом корпуса жандармов, который теперь подчинялся непосредственно министру внутренних дел.

Короче говоря, вместо прежней сложной и конфликтной системы была создана система еще более сложная, хаотическая и конфликтная. Положение спасали таланты отдельных сотрудников. Но на беду, самые талантливые из них (как тот же Судейкин) оказывались карьеристами и авантюристами. Полицейская служба, в отличие от революционной борьбы, считалась делом малочетным. Рыцари без страха и упрека редко шли туда. А в секретные сотрудники – особенно...

Итак, 3 апреля в Департаменте полиции делу W. Sch. был дан ход. Вице-директору департамента С. Э. Зволянскому было доложено, что «какое-то лицо в Карлсруэ» предлагает свои услуги и что в его утверждениях «есть кое-что правды».

Зволянский распорядился «войти в сношения» с «этим господином» – «он все-таки что-то знает». И вот 20 апреля (3 мая) в Карлсруэ господину W. Sch. до востребования было отправлено следующее письмо:

Милостивый государь!

Существо и деятельность кружка в Карлсруэ нам известны, и единственное, что нам может быть полезно, – это доставление достоверных и точных сведений об отправке в Россию транспортов запрещенных изданий с указанием – когда, куда, по какому адресу и через кого именно они пересылаются. Если Вы можете и желаете доставлять эти сведения, то благоволите написать об этом, но предварительно назовите себя и объясните, чем Вы занимаетесь, т. к. с неизвестными лицами мы сношений не ведем. Вы можете быть совершенно уверены, что Ваше имя будет известно только

лицу, пишушему Вам, как ровно Вы можете рассчитывать на солидное вознаграждение за всякий своевременно указанный транспорт книг¹⁴.

Письмо было подписано «Н. Виноградов», но писать рекомендовалось на имя Безрукова. Почувствовав себя уверенней, Азеф ответил длинным и подробным письмом:

...Я со временем сумею доставлять Вам достоверные сведения о транспорте в Россию изданий нелегальных, так как кружок здешний задается целью завязать сношения с революционерами в России, для чего необходимо: объединить всех живущих по различным городам за границей русских, создать новую серию изданий рабочей литературы (первый выпуск выйдет в непродолжительном времени), препровождать эти издания в те места России, где имеются рабочие революционные кружки и получать для всей этой деятельности материальные средства из России. Об этих целях кружка я сообщаю Вам потому, что, как я полагаю, вряд ли Вам знакомы именно эти цели, несмотря на то что Вам знакома деятельность кружка. Эту задачу поставил себе кружок сравнительно недавно. По моему мнению, сведения о том, *как* завязываются кружком сношения, *с кем, посредством кого, в каких* местах, *кто* из России сюда приезжает, *кто* отсюда едет в Россию для завязывания сношений и добывания средств, *как* эти средства доставляются, *какая* литература печатается, *кто* занимается этим делом и *где* в России есть революционные кружки – все эти сведения, по-моему, гораздо важнее, чем достоверные и точные сведения о транспортах, которые бывают очень редки; обнаруживание одного транспорта прекращает на долгое время транспортирование, а печатный материал отдельными экземплярами перевозится единичными лицами...¹⁵

Поразительно, как деловито и толково 24-летний Азеф берется за дело шпионства!

За свою будущую работу молодой человек просит месячное вознаграждение в 50 рублей. Не солидная сделщина, а скромная месячина. Здесь видна его бедность, а значит – уязвимость. Но в остальном – обращает на себя внимание уверенный и независимый тон, которым кандидат в сексоты говорит со своими потенциальными нанимателями.

Имя свое назвать он отказывается, пока полиция не примет его условий¹⁶ – сообщает только, что он «студент здешнего политехникума».

Ответ не заставил себя ждать. Виноградов любезно сообщил, что принимает программу и условия студента из Карлсруэ, попросил добавить, «кроме сведений о сношениях кружка с Россией, и сведения о сношениях с Швейцарией и Германией» и «для начала перечислить состав кружка с краткими биографическими сведениями о каждом члене» (Азеф это исполнил оперативно и точно).

...Относительно качества сведений должен сообщить наши требования: многословия и теоретических рассуждений не требуется. Мы ценим сведения только фактические, с возможно точным указанием имен, адресов или таких данных, которые могут быть материалом для исследования...¹⁷

---

¹⁴ Конец Азефа. С. 71.

¹⁵ Письма Азефа. 1893–1917. М. 1994 С. 15, далее – Письма Азефа.

¹⁶ Кроме того, просит прислать отрывок из его первого письма, чтобы подтвердить, что с ним действительно переписывается представитель полиции.

¹⁷ Конец Азефа. С. 77.

И наконец – можно представить себе ехидную усмешку, с которой это писалось: «Я думаю, что не ошибусь, называя Вас, г. Азеф, именем, и прошу Вас уведомить, не следует ли писать Вам по адресу» (адрес следует).

Имя Азефа выяснили так: в родном Ростове, где все члены кружка, включая «Азова», были под колпаком, быстренько провели графологическую экспертизу присланного им письма. И тут же переслали в Петербург это письмо, вместе с результатами экспертизы и подробными сведениями о мещанине Азефе, человеке «весьма неглупом, пронырливом и имеющем обширные связи между проживающей за границей еврейской молодежью», о его семье, его революционной деятельности, о денежных делах с мариупольским купцом и товарищами по кружку.

Спецслужбы дали понять самоуверенному юнцу, что играть с ними в прятки не стоит. Никто не догадывался, какая партия предстоит и кто в ней будет победителем.

Но первые два хода были сделаны. Вербовка состоялась.

Евгений Филиппович и его знакомые

Удивительно – но, кажется, стоило Азефу пойти на позорную службу, как он начал приобретать респектабельность, уверенность в себе, вызывать у окружающих не отвращение и презрение, а уважение и, пожалуй, что-то вроде симпатии. Тональность воспоминаний о нем, относящихся к 1890-м годам – совершенно не та, что у немногочисленных мемуаров о его юности. Скорее всего, именно в эти годы он окончательно «облагородил» свое имя и отчество. Под именем Евгений Филиппович он жил «в миру» (вне революционного подполья) до самого разоблачения и краха – до 1909 года.

Как будто человек легко, на ходу, продал душу – и сразу же стал получать бонусы.

Впрочем, не будем сгущать краски. Ничего особенно inferнального в полицейской службе Азефа в первое десятилетие не было – как и в деятельности тех, за кем он следил.

В конце 1870-х – начале 1880-х в России шла террористическая война. Жертвы с обеих сторон исчислялись десятками. Народовольцы-предатели, такие как Иван Окладский или уже помянутый Дегаев, своими показаниями отправляли своих товарищей на виселицу или на вечную каторгу – которую те в большинстве случаев, надо сказать, честно заработали. Каждый человек, хоть как-то служивший в те годы революции или, наоборот, политической полиции, прямо или косвенно обагрят свои руки кровью. При этом рискуя и собственной жизнью. Работа осведомителя в то время была почти такой же опасной, как участие в революционной деятельности. Шарашкин и Жарков были убиты, недоубитому Гориновичу облили лицо серной кислотой, и он ослеп.

Но Азеф начинал в другое время. Он следил не за террористами, а за теоретиками и не очень успешными пропагандистами, причем находящимися в эмиграции. Да и по возвращении в Россию большинству из них ничего не грозило. Взять хотя бы помянутых в первом доносе Мееровича, Самойловича и Козина: один впоследствии потихоньку служил себе начальником трамвайного управления в Смоленске, другой на чугунолитейном заводе в Новороссийске, третий держал магазин швейных машинок во Владикавказе, и никто не побывал даже в административной ссылке. Полицейская служба молодого Азефа была мерзкой, но пока что совсем нестрашной, ибо – мелкой.

Адресовался он с 1898 года к Леониду Александровичу Ратаеву, начальнику Особого отдела, высокопрофессиональному, опытному и честному сыщику, хорошо понимавшему внутренние проблемы своего ведомства и не боявшемуся докладывать о них начальству, но, пожалуй, не очень глубокому и далекому человеку. Первый оперативный псевдоним – «Виноград» – Азеф унаследовал у своего вербовщика.

Чтобы представить, в чем именно заключалась работа Азефа – вот несколько примеров его сообщений:

...Кружок здешний предложил мюнхенскому заняться совместно изданием брошюр для рабочих, и для более удобной выработки программы деятельности предполагается съезд. Теперь это решено устроить в Швейцарии, так как на предстоящем конгрессе в Цюрихе приедут много русских социалистов. Связи здешнего кружка следующие: Мюнхен, Вена, Цюрих, Берн. Со всех этих мест приедут в Цюрих. Отсюда едет Баранов. Съезд, вероятно, будет не в самом Цюрихе, а в какой-нибудь деревне для того, чтобы не обратить на себя внимание. Из всего этого, известного мне, я, не получив от Вас ответа на мое письмо от 8/VII сего года, самостоятельно решил, что мое присутствие в Швейцарии будет небесполезно, тем более что для этого на расходы понадобятся всего 25–30 рублей. По получении этого письма прошу выслать мне за август 50 рублей, так как мне это время понадобится прожить

в Швейцарии, и на расходы, если считаете, что мое желание поехать туда благоразумно и необходимо. (26.07.1893)¹⁸

Меерович на днях в кружке прочел реферат приблизительно следующего содержания. Русские за границей увлекаются социал-демократизмом. Эта форма революционного движения, насколько он знает, не имеет в России значительного числа последователей. Обыкновенно социал-демократы в России – это люди, дорожащие своей шкурой; искренний социалист всегда сумеет поставить на карту свою личную жизнь для того, чтобы содействовать устранению того, что препятствует развитию нашего народа и переходу к более справедливому строю. А потому он просит принять программу народовольческой партии, которая поставила себе задачей устранить и т. д. (02.12.1893)¹⁹

Книга Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» произвела шум, выразившийся в созывании собраний для диспутов об этой книге. Г-н Керкис (из Киева) прочел реферат, в котором между прочим говорил о том, что ему хорошо известно, что в Киеве большинство студентов сочувствует социал-демократическому движению и что там довольно сильная организация среди рабочих... Бельтов – это псевдоним. Автор этой книги – известный революционер Г. Плеханов. (27.04.1895)²⁰

Здесь получено известие о смерти лондонского эмигранта С. Степняка. Эмигрант Лазарев прислал письмо Б. Петерсу, в котором он сообщил, что Степняк задавлен паровой конкой. Петерс собирал по листу на венки Степняку от «друзей-карлсруйцев». (26.12.1895)²¹

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский в 1878 году заколол стилетом шефа жандармов Мезенцева, ухитрился бежать с места преступления и перейти границу. (Это было еще до раскола «Земли и Воли», на самой заре массового политического террора). Он поселился в Лондоне и занялся литературой. Он дружил с Элеонорой Эвелинг, дочерью Маркса (на которого сам он был, кстати, необычайно внешне похож), но оставался верен народнической доктрине; его «Андрей Кожухов», роман-агитка про народвольтцев, был в России в числе популярнейшего нелегального чтения. Сбит он был не паровой конкой, а поездом дальнего следования.

А вот примечательное сообщение:

Как мне сообщают из Швейцарии, должен в феврале или марте приехать в С.-Петербург бежавший из Сибири Владимир Бурцев, проживающий теперь в Лондоне... (25.01.1897)²²

Азеф не мог и предположить, что будет значить в его жизни это имя – одно из десятков, походя упомянутых в его донесениях.

Он не знал, а мы знаем – и сейчас наведем объектив.

Владимир Львович Бурцев был старше Азефа на семь лет. Родился в забытой Богом крепости на Мангышлаке, там, где томился на солдатской службе Шевченко, вырос в Бир-

---

¹⁸ Письма Азефа, с. 19

¹⁹ Там же. С. 22

²⁰ Там же. С. 33.

²¹ Там же. С. 36.

²² Там же, С. 42.

ске, на Южном Урале. Русский, православный. По отцовской линии – из дворян (батюшка был штабс-капитан), по матери – из купцов. Закончил Казанскую гимназию, учился в Санкт-Петербургском и Казанском университетах. Входил в «Народную волю» на самом ее закате. Год отсидел в крепости, побывал в ссылке в Иркутской губернии, бежал в Швейцарию.

Еще в ранней юности Бурцев стал участником детективных дел, связанных с борьбой между полицией и революционерами. В 1884 году он пытался донести до руководства «Народной Воли» (тогда это был Лопатин) информацию о двух завербованных Дегаевым и после его бегства оставшихся в партии агентах. Одним из них был некто Авраам Гаккельман. Народовольцы не поверили – более того, разуверили самого Бурцева. В 1889 году Бурцев встретил Гаккельмана, жившего (под фамилией Ландезен) в Париже и пользовавшегося большим авторитетом в среде эмиграции. Вскоре Бурцев уехал из Парижа, надеясь попасть в Россию. Среди нескольких людей, знавших о его отъезде, был Гаккельман-Ландезен. Вскоре Бурцев обнаружил за собой слежку. Тем временем в Париже были арестованы русские эмигранты – много, несколько десятков. Оказалось, что Ландезен готовил теракт к приезду Александра III в Париж... и в нужный момент выдал всех участников этого конспиративного дела французской полиции. Давние сведения о нем были справедливы. Это был агент русской полиции, уже заслуженный, с многолетним стажем. Потом он (как в свое время и его шеф, глава заграничного сыска Петр Иванович Рачковский, как Зубатов, Гурович и другие видные полицейские чины) перешел из секретных сотрудников на гласную службу, для этого крестившись и сменив фамилию – на Гартинг.

Революционеры начиная с 1890-х годов употребляли слово «provokator» в расширительном смысле, разумея любого полицейского осведомителя. Это было подменой понятий. Но то, что осуществил в Париже Гаккельман по заданию Рачковского, было именно провокацией – с целью заставить французскую полицию заняться русскими эмигрантами. Это был не единственный случай такого рода. Петр Иванович, как и его покойный друг Судейкин, ничем себя в смысле методов не стеснял. Это не говоря уж о «двойной игре» – в этом смысле Рачковский тоже вполне походил на своего друга, если и не обладал его амбициями.

Владимир Бурцев, «Шерлок Холмс русской революции» и одновременно ее историк. Начало 1900-х гг.

Бурцев, вероятно, был раздосадован тем, что уже разоблаченный полицейский агент сумел обвести его вокруг пальца. Это повлияло, вне всякого сомнения, и на его дальнейшую жизнь – на то, что он выбрал путь «революционного Шерлока Холмса».

Впрочем, это потом, в будущем. Пока, в 1890-е годы, Бурцев – просто публицист. В Лондоне он издавал журнал «Свободная Россия». А в 1897 году в Париже затеял новое издание – «Народоволец».

Уже передовая статья содержала вызывающие утверждения:

«Народная Воля» не погрешила ни перед «естественным ходом вещей», ни перед историей, ни перед русской действительностью... Но «Народная Воля» не завершила своего дела. Она не вынесла страстного напряжения борьбы, и, оставшаяся без вождей, погибших в бою, покинутая слабодушными друзьями и атакованная сзади вчерашними союзниками, ослабела, растерялась и приостановилась в своем победном движении как раз накануне своего триумфа.

Временное прекращение систематических нападений на правительство, какие были в 1879–1881 годы, вызваны не истощением сил, нужных для борьбы, а неверными расчетами руководителей боевой организации «Народной Воли», которые погубили ее дело и привели ее вместо победы к поражению и гибели...²³

Положение осужденной и по пятам преследуемой жертвы невыносимо для всякого. Александр II... не выдержал и нескольких лет борьбы и уже склонился на капитуляцию. Александр III продержался бы, может быть, годом или двумя больше – вот и все. В конце концов он – так же как и всякий другой на его месте – был бы вынужден пойти навстречу революции и начал бы «реформы сверху» во избежание «революции снизу»²⁴.

Цели Бурцева были очень умеренными. Он не мечтал пока что ни о социализме, ни о республике, ни даже о «черном переделе». Все экономические вопросы, по его мнению, можно решить через обычные парламентские процедуры. Но для начала необходимо сделать Россию конституционной, демократической страной. Это вполне можно осуществить «реформами сверху». В сущности, на первых порах Владимира Львовича вполне устроило бы нечто вроде «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова 1880–1881 годов – только более последовательной.

А вот чтобы вынудить правительство к этим реформам, необходим террор, решительный и безоглядный. Бурцев вспоминал дворцовые перевороты XVIII века. Под его пером возникали имена старинных заговорщиков, таких, как граф Пален. А пропаганда... В широкую пропаганду он особенно не верил. Какая пропаганда в несвободной стране?

Бурцев был, в сущности, не революционер, а «либерал с террором». Так его называли. Он особенно не возражал. И, естественно, его идеи вызывали резкую критику – и слева, и справа. Некоторые просто боялись – и не зря: после первого «Народовольца» Владимир Львович был арестован в Лондоне за «подстрекательство к убийству лица, не состоящего в подданстве Его величества» (разумелся Николай II). Отсидев год, он выпустил еще три номера журнала. В последнем – горячо приветствовал («Браво, сербы, браво!») садистское (с глумлением над трупами) убийство короля Александра и королевы Драги, осуществленное Драготином Димитриевичем, известным как Апис, тем, который одиннадцать лет спустя организовал выстрел в Сараево.

Но это было потом. А в 1897 году Бурцев получил одно-единственное письмо с выражением согласия, поддержки и благодарности за ценные мысли, и с предложением содействия. От Евгения Филипповича Азефа.

К тому времени Азеф уже отошел от эсдеков и перешел к народникам. Это был простой расчет: сведения о поклонниках террора и наследниках народовольцев были интереснее полиции; марксистов она пока что боялась меньше. Книга Бурцева заинтересовала Азефа как осветителя. Четыре года ловивший мелкую рыбешку, он инстинктом хищника почуял жирную, полнокровную жертву.

Но возможно, дело было не только в этом. Судя по дальнейшей эпопее Азефа, парадоксальные идеи Бурцева должны были врезаться в его сознание, отложиться в нем...

Азеф предлагал Бурцеву помощь в распространении «Народовольца», предлагал связать его с революционными кружками в России. Бурцев не ответил. Почему?

До этого он один раз видел Азефа – в Карлсруэ в 1893 году, издали. Понятно, что на первый взгляд студент Политехнической школы ему не понравился (кому он мог понравиться с первого взгляда?). А рекомендации... Рекомендации были такие:

---

²³ Народоволец. № 1, 1897, с.1–2.

²⁴ Там же. С.8.

Указывая на него, один мой знакомый тогда сказал мне:

– Вот крупная сила, интересный человек, молодой, энергичный, он – наш!

– Вот грязное животное! – сказал мне другой²⁵.

Это было как раз в момент превращения грязного животного Евно в интересного человека Евгения Филипповича²⁶. В общем, Бурцев не доверился своему корреспонденту и не ответил ему.

Зато с другим идеологом возвращения к народовольческому террору Азефу удалось довольно тесно подружиться.

Речь о Хаиме Осиповиче Житловском, тоже, как и Бурцев, в юности народовольце (организаторе ячейки «Народной воли» в Витебске). В эмиграции он учился в Бернском университете и получил там степень доктора философии. Житловский был одним из основателей Союза русских социалистов-революционеров (1893) – первого предшественника партии эсеров. Он был (под псевдонимом С. Григорович) постоянным оппонентом Плеханова-Бельтова. В отличие от Бурцева, Житловский признавал значение «организации народных масс», подчеркивал, что «мы социалисты, и наше место у рабочих», признавал, что «Народная Воля» слишком увлеклась террористической деятельностью, которая «в конце концов поглотила все остальные функции народовольческой программы». И все-таки «никакие стачки, никакая уличная борьба» не могут, подчеркивал он, сделать то, что делал старый добрый террор, который «дезорганизирующим образом влиял на русское правительство» и «развенчивал идею неприкосновенности царской особы, беспрерывно возбуждал в народе вопрос об отношении царя к нему и будил критическую мысль»²⁷.

Азефу сойтись с Житловским (и с его другом Шломо Раппортом) помогло, возможно, еврейское происхождение. Житловский и Раппорт были не просто выходцами из черты оседлости, как многие революционеры и многие заграничные российские студенты – это были, что называется, *хорошие евреи*. Житловский был неутомимым борцом за национально-культурную автономию. Раппорт (псевдоним С. Ан-ский) знаменит не столько как русский революционер, сколько как еврейский этнограф и фольклорист. Азефа «хорошим евреем» не назвать, но и равнодушен к еврейским делам он не был никогда. Национальные чувства, обиды, комплексы играли, возможно, не последнюю роль в его мотивации. Об этом мы уже говорили и еще скажем.

Во всяком случае, участие (в качестве гостя-наблюдателя) в 1-м Сионистском Конгрессе в Базеле (1897) не было связано с полицейской службой. Охранка сионистами не интересовалась – вообще царская власть, не в пример советской, скорее благоволила последователям доктора Герцля, считая самостоятельное государственное обустройство еврейского племени где-нибудь *не на российской территории* в принципе идеальным, если и не очень реалистичным, решением проблемы. Герцль в свой приезд в Россию удостоился даже аудиенции у столпов режима – Плеве и Витте. Вполне возможно, что интерес Азефа к сионизму как-то связан с его общением с Житловским и Раппортом. Правда, оба они не были сионистами, а представляли другие, противоположные по направленности еврейские политические течения. Да и Азеф идеями Герцля не увлекся.

Так или иначе, Житловский и Азеф одно время были почти неразлучны. Они быстро перешли на «ты». И конечно, уроженец Ростова стал членом основанного Житловским Союза.

²⁵ Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. М., 1989. С. 25.

²⁶ В показаниях следственной комиссии по делу Азефа Бурцев уточняет: ни в какой особенной грязи Азефа не уличали. Так – «подозрительное отношение к товарищам, рассказы о делах, его не касающихся» (ГАРФ, ф. 1699, оп. 1 е.х. 129, л. 72). Ясно, что шпион! Причем шпионом-то Азеф, может быть, еще и не был – только собирался им стать.

²⁷ Григорович С. Социализм и борьба за политическую свободу. Лондон, 1898. С. 57–61.

К этому времени в его жизни произошли важные изменения. Он переехал из Карлсруэ в Дортмунд, чтобы продолжить обучение в тамошнем политехникуме. Что им двигало – соображения академического или служебно-полицейского характера?

В Дортмунде Азеф, по воспоминаниям одного из тамошних знакомых, Менделя Левина, довольно быстро приобрел авторитет и влияние в кругу революционно настроенной русской молодежи. В этом ему помогли работодатели. Перед приездом в город молодого императора Николая II Азеф с некоторым шумом был из Дортмунда выслан. Об этом сразу же стало известно через читальню, которая была центром местной русской колонии. Через пару недель Азеф как ни в чем не бывало вернулся. На вопросы о причинах своей высылки он глухо, но со значением отвечал: «очевидно, полиция прознала, что он вез русский шрифт из Франкфурта-на-Майне в Берн»²⁸.

Об авторитете Азефа свидетельствует следующая подробность. В 1897 году – уже не в Дортмунде, а в Гейдельберге – Азефа выбрали председателем товарищеского суда, который лишил права пользования читальней одного молодого ученого-юриста, приехавшего из России для подготовки к профессорскому званию. Молодой ученый, человек в то время весьма правых взглядов, обвинялся в антисемитских выходках. Звали его Михаил Андреевич Рейснер – да-да, тот самый, впоследствии эсдек, отец поэтессы-комиссарши. (Между прочим, у Рейснера в некий момент тоже были большие неприятности с Бурцевым. По словам последнего, розовый – а потом, после 1917, и красный – профессор пытался в 1904 продать свои услуги охранке – однако та почему-то побрезговала. На сей раз Шерлок Холмс русской революции, правда, ничего доказать не смог.)

Особенно аккуратен в посещении занятий Азеф не был, пропускал и экзамены, но «немецкие профессора проявляли по отношению к нему необычный либерализм и назначали особую экзаменационную сессию для него одного»²⁹ Судя по всему, способный, ценный был студент.

Не все, конечно, относились к Азефу одинаково. Левин припоминает отзыв доктора Барнаса, директора интерната для еврейских детей в окрестностях Дармштадта. Один из его бывших воспитанников при нем упомянул Азефа, и Барнас ответил: «А, этот русский шпион, который выдает себя за революционера!» Эти слова запомнились – в показаниях Л. Г. Азеф и в книге Алданова они приписаны «одному из профессоров». Левин вспоминает и столкновение Азефа с одним из русских студентов, по фамилии Коробочкин, который тоже обвинил его в «шпионстве». Азеф добился изгнания этого бедняги из русской читальни – та же репрессия, которая постигла Рейснера.

И все-таки людей, действительно подозревавших что-то скверное, было не в пример меньше, чем три-четыре года назад. «Грязное животное» осталось в прошлом.

---

²⁸ Левин М. И. Мои воспоминания об Азефе // Воля России. 1928. № 8/9. С. 59.

²⁹ Там же. С. 58.

«Энергичная подруга»

В эти же годы Азеф встретил любовь. Дурной каламбур: встретил Любовь Григорьевну Минкину, дочь хозяина магазина писчебумажных принадлежностей из Могилева (ее паспортное, еврейское имя нам неизвестно – никто и никогда его не упоминал).

Знакомство состоялось так.

Минкина жила в Дармштадте. Там же жил социал-демократ Б. Петерс, изучавший, как и Азеф, инженерные науки. «Он сказал, что к нему приезжает его товарищ из Карлсруэ. Я, конечно, была очень рада, так как там русских совсем не было...»³⁰.

Это был специфический революционный роман, начавшийся с совместного чтения социалистических книг («История Коммуны 1871 г.» П. Лиссагарэ) и газет (Vorwarts). Однажды во время прогулки Люба заговорила о себе, рассказала, что хочет ехать в Швейцарию, изучать там философию, что рассчитывает получить стипендию, что ее знакомые, «буржуазная семья» из Берлина, могут ей в этом поспособствовать...

Азеф, видимо, воспринял это как сигнал к сближению. Тем же вечером Люба получила от него «ужасное», по ее словам, письмо – любовное, с обращением на «ты».

Затем, помню, вечером я пришла к нему, и он меня спросил, получила ли я его письмо? Я говорю: «Да». Ему, как видно, не понравился мой ответ, он подошел к столу, вынул какую-то тетрадь, разорвал ее на мелкие кусочки. Я не знаю, что это было.

И все же Евгений Филиппович своего добился: Люба Минкина стала его невестой, затем женой. Это произошло в 1895 году.

Много лет спустя, уже зная о своем муже все, давая показания следственной комиссии ПСР, Любовь Григорьевна не без гордости вспоминала о тех «любвеобильных письмах», которые писал ей Евгений (а не получив немедленного ответа, посылал телеграмму!), о том, как он ревновал ее «чуть ли не ко столбу». Это была *ее* женская жизнь. Ничего другого и лучшего в ней не было.

Сама она особой любви к своему внешне малопривлекательному избраннику, кажется, не испытывала, но была покорена его напором... и польщена его страстью. Она не была красавицей и тоже, вероятно, не лишена была комплекса неполноценности. По воспоминаниям она была с виду типичной «нигилисткой». Вероятно, коротко остриженная, просто одетая, ненакрашенная, строгая, застенчивая девушка – так выглядела она в 1890-е годы. Впрочем, она мало менялась. Вот какой увидел ее С. Басов-Верхоянцев: «На вид лет 25. Русые волосы подстрижены. Под светло-серой шляпой обыкновенное веснущатое лицо». А шел уже 1904 год – жене Азефа было хорошо за тридцать. А вот свидетельство Веры Фигнер: «Факультет на оставил... следов на ней – это было ясно с первого взгляда. С простым, почти русским лицом, она была проста и симпатична, без всяких претензий»³¹. Это еще через три года.

Сыграла свою роль и своего рода женская жалость к одинокому, бедному, неустроенному мужчине. «Он был вечно голоден, и вечно было ему холодно»³². Когда Люба приходила в комнату к своему поклоннику, тот либо мерз, либо что-то себе готовил на конфорке. Толстый Евгений Филиппович казался девушке чем-то, вероятно, вроде пушкинского Евгения.

Что касается «любвеобильных писем», то некоторые из них (1894–1896 годов, до и после свадьбы) процитированы в книге Б. Никольского. Вот образчики стиля:

³⁰ ГАРФ, ф. 1699, оп.1 е.х.126, л.2.

³¹ Фигнер, с. 292, с. 176.

³² Ф.1699, оп.1 е.х.126, л. 34.

Что я в тебе люблю – это твою благородную, прекрасную душу... Почему тебя здесь нет возле меня... Мне так нужно твое присутствие...

...Для великой борьбы нужны великие силы, нужно работать, работать... Береги свое здоровье... Я хочу, чтобы та, кого люблю, была сильной и энергичной подругой, которую не страшили бы никакие опасности борьбы...

Буду ли всегда похож на того молодого человека с самыми смелыми надеждами, который для того, чтобы добиться успеха, должен совершить большое путешествие, но который во время переезда терпит кораблекрушение? Осужденный оставаться на необитаемом острове, он чувствует, как трудно ему вернуться к жизни и приходит в отчаяние перед окружающими силами, которые мешают ему... Он мечтает об избавлении, но всё, что кругом, так мало похоже на его мечты³³.

Удивительная особенность Азефа заключалась в том, что, упиваясь такого рода возвышенной риторикой, он, похоже, искренне «входил в роль» и казался себе иным – благородным, честным, красивым, доблестным. Членом Ордена. Рыцарем Революции. Без этого – по Станиславскому! – вхождения в образ многолетняя изощренная игра Азефа была бы невозможна.

Писать писем приходилось много, потому что Люба получила-таки стипендию и уехала в Берн. Жила она там трудно, нуждалась, болела, залезала в долги. Потом жаловалась, что любящему мужу, кажется, до этого особенно дела не было. Но одно из только что процитированных писем свидетельствует как будто о противоположном. Левин пишет, что Азеф много помогал жене в учебе; например, по его просьбе дармштадтские товарищи переводили для Любы с французского книгу К. Валишевского о Петре Великом.

Деньги? Это было важной проблемой для молодой семьи. Тем более, что в 1896 году у Азефов родился старший сын Владимир.

Стипендия Любови Григорьевны была – 80 франков. У ее мужа было... Да, полицейское жалование. 50 рублей, по тогдашнему курсу где-то 150 франков в месяц. Но и эти небольшие деньги надо было как-то «обосновать» перед женой. Азеф рассказывал, что отец посылает ему по 15 или 20 рублей ежемесячно. Выдумал себе приятеля-благотелья Тимофеева, который якобы положил в банк несколько сотен или тысяч рублей на его, Азефа, имя. Люба верила.

Денег все равно не хватало (жизнь порознь, разъезды – это удорожало быт), и Азеф подавал – видимо, без особого успеха – прошения о вспомоществовании в различные еврейские фонды. А Любовь Григорьевна устроилась на работу в какую-то «мастерскую» – видимо, швейную.

Была и еще одна проблема. Нужно было скрывать от жены переписку с работодателями. Вот что вспоминает Любовь Григорьевна:

Когда я была его невестой, и мы жили первый год на даче, я замечала так. Получает он от кого-нибудь письмо... и читает его, держа перед самыми глазами, как будто пряча, чтобы никто не мог прочитать, что там написано. Иногда даже так бывало, что он уходит в клозет и там его читает. Можно было не давать мне этих писем, да ведь я их и не добивалась, но читать таким образом – это ужасно. И у нас были крупные ссоры на эту тему³⁴.

И позже, поженившись, Азефы жили непросто – не только в материальном отношении. Опять слово Любови Григорьевне:

---

³³ Николаевский Б. История одного предателя // М. 1991, с. 99; далее – Николаевский.

³⁴ ГАРФ, ф. 1699, оп.1 е.х.126, с. 6.

Он вообще не мог быть без меня. Но стоило нам хоть неделю прожить вместе, начинались ссоры.

И все-таки они оставались вместе. Мечтали о возвращении в Россию, о работе... И, само собой, о революционной борьбе. Евгений говорил жене, что «будет делать все не так, как делают теперешние революционеры. Эти "обтрепанные революционеры", как он выражался... Он будет очень хорошо одет и т. д. Вообще он страшно мечтал о своей внешности, как он будет хорошо одеваться, как поставит себя с другими и т. д.»³⁵.

Нет, статус несчастного Евгения из Коломны не прельщал закомплексованного портновского сына! (Не связано ли повышенное внимание именно к хорошей одежде с первоначальной профессией отца?)

В 1899 году эти буржуазно-революционные мечты наконец-то начинают сбываться. Нищая студенческая жизнь кончилась. Азеф получил диплом инженера.

Да и в полиции жалованье, кстати, увеличили – до ста рублей в месяц, плюс премии к праздникам.

---

³⁵ Там же. С. 12.

Часть вторая Лицо интеллигентной профессии

Москва, или любовь к электричеству

В первый год после получения диплома Азеф часто менял службы. Некоторое время он работал в фирме Шюккерта в Нюрнберге. Затем переехал во Франкфурт-на Майне, где служил уже в другой фирме – с большим жалованием.

И, наконец, Всеобщая компания электричества во главе с Эмилем Ратенау, отцом Вальтера Ратенау, знаменитого политика Веймарской республики, павшего в 1922 году от руки немецкого националиста. Первоначально Азеф работал в берлинском офисе кампании, но уже в конце 1899 года он перебирается в Москву. Сперва один (Любовь Григорьевна хотела доучиться).

Компания Ратенау соперничала с крупнейшей германской промышленной компанией Сименс. Интересно, как это соперничество проецируется на историю российского революционного движения. Во Всеобщей компании электричества, в том числе в ее российском представительстве, работал Азеф, будущий глава боевой организации эсеров. В российском представительстве фирмы Сименс работал, а с 1913 года возглавлял его Леонид Борисович Красин, бывший глава Боевой технической группы большевиков – структуры, в известном смысле симметричной эсеровскому БО. Азефа и Красина сближала не только профессия и место службы. Красин тоже был не чужд сибаритству, любил хорошо одеться и заметно выделялся среди «обтрепанных революционеров»³⁶.

Биография инженера и революционера Красина, написанная Василием Аксеновым, называлась «Любовь к электричеству». У инженера и революционера Евгения Филипповича Азефа тоже была, вероятно, такая любовь.

Но у Азефа было еще одно поприще. Переселение именно в Москву было связано как раз с ним.

Московское охранное отделение в это время – не по формальной иерархии, а по факту – стало главным в России. Из Москвы направлялись полицейские операции, осуществлявшиеся в разных углах империи – от Западного Края до Сибири. Это связано было с личностью человека, возглавившего Московское отделение в 1896 году, Сергея Васильевича Зубатова.

Мы уже упоминали его имя. Да, тот самый Зубатов, который стал полицейским агентом от обиды на обман, на пренебрежение его и его семьи безопасностью. Сначала – секретным сотрудником. Потом, после «разоблачения», официальным чиновником. Карьера Сергея Васильевича, человека даже без аттестата зрелости (отец забрал его из гимназии: ему не понравилось, что сын водит дружбу с евреями), но очень начитанного, была стремительной. Московскую охранку он возглавил в тридцать два года.

Зубатов был полицейским профессионалом высшего класса, сравнимым с Судейкиным, но гораздо более высокого нравственного и культурного уровня. Он защищал российскую монархию, потому что был принципиальным противником кровавых потрясений. Возможно, в республике он был бы стражем республиканского порядка и грозой монархических заговорщиков.

---

³⁶ В период службы в «Сименс» Красин политикой не занимался. После революции бывшие однопартийцы привлекли его как специалиста к государственной деятельности и сделали наркомом.

Сергея Зубатова считают основателем так называемого «полицейского социализма»

Впрочем, ничего особенно «грозного» в этом мягком человеке, на первый взгляд, не было. Он предпочитал репрессиям то, что позднее в СССР называли «профилактикой». Он вел с арестованными душевные разговоры, склоняя их если не к «сотрудничеству», то к диалогу. Довольно часто это удавалось.

Но, конечно, вдобавок к этой нравственно-политической составляющей в распоряжении Зубатова были самые современные по тем временам методы сыска (например, дактилоскопия), была образцовая служба наружного наблюдения, организованная начальником московских филеров – Евстратием Медниковым. На фоне патриархального разгильдяйства, царившего в охранке по всей России, Московское отделение заметно выделялось. Это уж не говоря о сексотах, с которыми Зубатов учил своих подчиненных обращаться бережно, смотреть на них «как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи... Один неосторожный шаг – и вы ее опозорите»³⁷

---

³⁷ Николаевский. С. 42.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.